

Бонифатова Зинаида Филипповна
Рассказ
Вступление

Ранней осенью, днем мы с супругой гуляли по окрестностям Голицино. Старая, несколько лет не функционирующая школа, но еще способная к приему детей. Дворник-садовник, поддерживающий товарный вид образовательного учреждения и терпеливо ждущий новых хозяев школы. Красивые мохнатые сосны на приусадебном школьном участке и 3-х метровые заросли борщевика за его пределами.

И по пути нам попала женщина очень почтенного возраста - Зинаида Филипповна Бонифатова. Мы подошли, познакомились и сразу подружились с ней. Она оказалась узницей концлагеря времен Великой Отечественной войны. И волею судеб мы соприкоснулись с тайной святая-святых, в которую доселе Зинаида Филипповна никого не посвящала, включая собственную дочь.

Бонифатова Зинаида Филипповна (стиль изложения рассказа автором сохранен)

Краткая справка по основанию дела №110.

Бонифатова Зинаида Филипповна, русская, уроженка села Крутое Ярославской области, родившаяся 15 мая 1930 года. Шестого сентября 1945 года отправлена со станции Бреслау (бывшая территория ГДР, лагерь № 278) в Смоленскую область, на родину. Мать Зинаиды Филипповны, Бонифатова Анастасия похоронена на кладбище в городе Шлейдингген округа Зуль. Фонд Нарусевой украл деньги, выплачиваемые узникам концлагерей Великой Отечественной войны, и теперь Путин выплачивает им по одной тысяче рублей каждый год из этого фонда. Получается, для того чтобы вся сумма нашла своего бенефициара, каждый узник должен прожить, ни много, ни мало, еще 50 лет. Сейчас Зинаиде Филипповне 87 лет.

Воспоминания из детства

Зинаида Филипповна совсем маленькая. Бабушка, «материна мать», приходит в гости и привозит ей в подарок новое платье. Девочка надевает на себя платье, садится на телегу. И платье маленькой девочки заматывается в колесо. Но конюх вовремя замечает опасность ситуации и своевременно останавливает телегу. Трагедия предотвращена.

Бабушка сама шила, в том числе и куклы и приносила куклы потом в качестве подарка. У Зинаиды Филипповны была сестра Маша, на четыре года старше Зинаиды Филипповны. Бывало Маша возьмет у маленькой Зины куклу и всю куклу потом растормошит.

Это воспоминания детства у Зинаиды Филипповны самые яркие и запомнившиеся (прим. автора).

Девочки Маша и Зина всегда спали на печке. Но как-то заболели корью. Маша застудилась, корь внутрь ушла. Маша умерла. Все это было до войны. У матери были еще дети-двойняшки, но и они умерли. Всего было четверо детей. Отец пришел с финской войны раненый. Потом заболел перед Великой Отечественной войной и умер. Воевал с финнами в карело-финскую войну. Отец все рассказывал, как финны на деревья залезали и с деревьев стреляли. Наши победили, отогнали немцев на 200 километров – и Ленинград увеличился. Финны то не любили нас во время войны, да и сейчас нас никто не любит.

Как я узнала о войне? Мать работала в сельском совете секретарем и разносила повестки в армию на войну. Мне было тогда 11 лет. Попросила меня помочь разнести листки. Читать – то я уже умела и поняла, что это повестки. В грузовые машины посадили мужчин и увезли. Вот так началась война. Потом самолеты стали прилетать, бомбить. Потом немцы пришли – карательный отряд. Деревню сожгли, людей пожгли. Кто-то остался живой, кто смог. Немцы пришли. Они в печку лезут греться. Валенки, одежду - все на себя. Замотанные, в обмотках. Перед войной деревни объединяли.

Наша хата была новая. Потом согнали нас всех в две хаты. У двери немец стоит, а на чердаках - пулеметы. Несколько дней там держали, а потом всех нас выгнали и погнали в ров, в овраг на расстрел. А дома-то деревянные, крыши деревянные. Подожгли хаты. Напротив, у конюшни, Дусей ее звали, стала убегать. Так они ее пристрелили, чтоб не убегала. Отогнали нас от деревни. У немцев два конвоира было, один впереди, один сзади. Партизаны стали отбивать нас. Я помню, кричат: «Граждане, ложитесь, ложитесь! В снег, в снег». 42-й год, февраль месяц. И началась перестрелка с партизанами. Ночевали в снегу. Мать с еще одной теткой пошли в деревню узнать, там наши или нет. А туда в деревню мы в школу ходили. Когда мать вернулась назад, темно уже было и говорит, что в деревне - наши. А мы уже обмороженные все и пошли через лес километра три. Пришли, на печку меня посадили. Руки, ноги обморожены. Тетка руки оттирала, ноги. Ноги текли. Сейчас (в нынешнее время) в Голицыно хирург, который мне ноги лечил, в смысле – сосуды, поехал на вызов. Там наркоман, что ли был, на него набросился и убил его.

Ноги оттерли, первое время на коленях ползала. Дальше весна началась, есть нечего. Уже и картошку мороженную поели, и тетка говорит: - Есть нечего, надо вам уходить. Вот... Немцы из хаты нас выгнали, корову забрали. Ну, уходить, значит - уходить. Тетка и говорит: - Я вас проведу. Немцы пришли уже. Тетка разобрала крышу. Крыша соломенная. Выбрались через крышу из хаты. И тетка нас повела ночью. Прошел патруль. Мы отправились дальше по лужам, по снегу. А тут материна деревня была, где она родилась. Мать говорит, ты теперь тут сиди, а я пойду на разведку: есть там немцы или нет. Нам сказали, что там одни собаки. Ветками меня обложила под елкой. Я уснула, конечно. Слышу немецкий голос: -Ля, ля, ля. Ля, ля, ля. В бинокль глядят. Я рот заткнула, нос заткнула и опять уснула. Они мимо меня прошли. В лесу внимание что ли обращали на что? Потом чувствую, меня трясут:

- Мама, тут немцы.

- Нету, они ушли. Мы сейчас будем выходить. Там наши солдаты.

По большаку идем. Там канава широкая. Она меня посадила и говорит: - Я пойду за бревнушкой. Чтоб перейти.

А я сижу возле этой канавы. Идут солдаты, наши, я то вижу - русские. Спрашивают:

- Девочка, ты откуда?

- От немцев.

- А ты с кем?

- С мамой.

- А где она?

- Пошла за бревнушкой.

Солдаты меня перевели. Там канава широкая. Для меня-то она была широкая. Солдат было двое. Сели ждать.

Идет мать с бревнушкой на плече. Солдаты взяли нас, повели. Допрашивали сначала меня одну, потом мать допрашивали. Какие вопросы? - Откуда, как меня зовут, откуда я есть. Ну, я все рассказала, как было. Вот.

- А к кому вы тут идете?

- У мамы тут сестра есть. В деревне.

- Как ее зовут?

Я все рассказала. Я же знаю. Нас, конечно, кормили. Потом нас объединили. Тетка пришла, материна сестра, за нами. Ну, сколько там я не знаю, снега уже не было. Немцы – в деревню. В хату попал снаряд. Дядька был не на войне. Он старый был, больной. Кастрой на чердаке нас завалило, засыпало. Что такое кастра? – ну вот лен берут, сушат и треплют. Не опилки ото льна, а кастра. Ты не знаешь, зато я все знаю. Потолок обвалился. Мы там сидим. Немцы пришли. Открыли нас. Все мы подняли руки кверху. Приехали машины крытые, и нас в эти машины. Мы были с матерью, материной сестрой и дядька раненый. Дядька умер. Я не помню, чтоб его сажали в машину. Мать и меня - в машину. И всю деревню молодых, кого надо, нагрузили целую машину, и повезли к поезду. В Минск нас привезли. Я не помню, то ли в Минске это было, то ли в Велиже. Там загорожено проволокой и бараки большие. Потом с этих бараков вывезли в Германию. Где нас переписывали по фамилиям, я не помню. Видно переписывали в Германии. Документов у нас не было. Откуда

паспорта? У нас все погорело. Дату своего рождения с детства не помню. Год рождения настоящий, когда в детдоме я была, в архиве узнали. Подлинные данные на отца, мать - из архива. Деревня, где родилась, называлась Крутое. В Германию привезли в город Шредингер. Там определили в бараки. Взрослых отдельно, детей отдельно. Как с матерью разлучили, так ни разу больше и не видались. Бараки все обнесенные проволокой. Возможности у матери увидеть меня не было. Бараков было много, все работали. Мать там погибла, мне Юля прислала письмо: по документам 7 апреля 1945 года погибла. Как она погибла, не знаю, или расстреляли, или в газовой камере, или отравили. Американцы, не американцы – негры освобождали. Немцы сдавали деревня им все без боя. Белые флаги вывесят, и они идут, потому что на наш фронт все силы были направлены. Вот Германию разделили, но американцы не ушли. Их войска там стоят. А наш Горбачев с пятном (дурак!) стену разломил, вывел всех. Что настроили там, все оставили. Безобразие. Потому что мы всем верим. Подумаешь, сколько там 100, что ли, тысяч долларов дали ему. Распределял в дом престарелых, в детдом. Ничего он никуда не распределял. Деньги присвоил себе. Фонд Горбачевой. И Раиса там лечилась, но умерла. Началось! Развал начался с Горбачева, Ельцин доделал до конца. Горбачев аннулировал сады, виноградники - свадьбы без вина чтоб были.

Но мы отвлеклись. Лампочка одна на барак горела. Идет немец, колокольчиком звенит: «Киндер, ауфштейн, арбайтен». Стройся и на работу. Номер свой я уже не помню. У нас этикетки были пришитые. Номер был какой-то большой, не помню. Под конец войны дали другие пришивать. Русским - синий крест. Белорусам давали трезубец. А украинцам - колос. Мы идем и уже знаем, нас готовят на тот свет. Куда это? В газовую камеру.

Там у меня в концлагере были девочки подруги. В детдоме мы потом вместе были.

В апреле освободили, а в сентябре 1945 года нас вывезли из Германии. Не сразу. Наши проверяли, где американцы освободили территории. А так бы нас увезли в Америку. Взрослые, которые были, может и уехали. Нам уже платья пошили, кормить хорошо стали. Приехали наши русские машины, офицеры всех нас переписали. В машины погрузили и повезли. Сначала в Германии были в детдоме. Привезли, написано «Детдом», я-то грамотная была. Я думаю, что тут старики, что ли, раз так написано. Оттуда выскочили ребята, девчонки, а нас туда. А потом по очереди отправляли. Наберут и отправляют. Вот я там познакомилась с Валею. Валя ко мне подошла, сказала, как ее зовут. Когда везли санитарным поездом, остановятся, в один детдом заберут, потом в другой. Нас 10 человек вместе в один детдом попали. Наши боялись, что поляки взорвут нас. Днем везут, ночью стоим. Поляки по вагонам бегают. Грабят-то нас нечего было. Поляки поезда подрывали. В Польше я еще лежала в госпитале. Не знаю, что у меня там было, брюшной тиф, что ли. Я не ходила. Врач военный приходит к нам в палату, а там и взрослые были, и говорит: - Вот эту девочку в одну палату перевести. А я открываю глаза и говорю: - А я не помру, я не пойду в одну палату. Он: - Это не про тебя. Я: - Про меня, потому что я здесь одна девочка.

Валя потом из нашего детского дома приходит и говорит: - Нас завтра увезут. Я говорю: - Валь, принеси мне платье.

– Зачем?

– А то я помру, меня в бумагу закатают. (У нас кто умирает, всех в бумагу заматывают и выносят, хоронят).

– Да не надо тебе никакого платья, завтра за тобой придут.

Пришли с носилками и прямо к вагону. Потом меня в больницу поместили в Ярославской области. Что бы мне ни давали - меня все рвало, назад выходило. Я ходить не могла. Несут черный суп из чечевицы. Говорю: - Дайте мне черного супа.

– Тебе нельзя, сейчас тебе белого супа принесут.

Я поела черный суп, и меня не вырвало. И рыбий жир ложку давали, а потом и стакан молока запивать, как поднимать еще? В детском доме я потом заболела свинкой, у меня все распухло. Поместили меня в изолятор, и медсестра давала все время рыбий жир. Принесет пузырек, бутылочку и говорит: - Только никому не говори, не показывай. Хлебушек намажу. Я так к ней привыкла. Когда меня уже выписали, медсестра говорит: - Ты ко мне приходи. Я буду тебе давать. Полюбила меня. Говорит:

– Будешь ходить, тогда и выздоровеешь.

– Ну, вы меня поднимите. Я пойду. Потом я поправилась.

Замуж я вышла за Ананьина в 20 лет в 50-м году 14 апреля. Он ремесленное тогда кончал. Говорил: - Меня в армию не заберут, я должен два года отработать, а кто потом заберет? Я и вышла за него замуж. За Ананьина. Муж был моего возраста. 22 года прожила в браке. По любви? Такой любви у меня не было: парень и парень. В 1951 году у меня и у Ананьина родилась дочка Наталья. Отец Ананьева после войны женился. Домик у него такой неплохой. Ананьин и говорит: - Я живу в другом месте, с тетей Наташей (Потом тетка со мной здесь 22 года жила). Привел меня к отцу и говорит: - Я хочу жениться.

– Хорошо, - и отец дает мне большой рулон материала (А живет он с мачехой - тетей Шурой). Я говорю: - Пап, нет, Сергей Андреевич, это не я замуж выхожу, это сын ваш женится, это ему надо.

– Ну, пошьешь простынь там, белье пошьете. Тетка Наташа нам постельное белье и пошила. У нее машинка была. Когда мы поженились, вечеринка какая-то была в общежитии. Девки собрались. Пошли регистрироваться, стол накрыли, 14 человек в комнате. Хороший стол. В то время картошка, помидорчики, огурчики да колбаска. В общем, все, что надо. Да гармошку привели. А сторож идет и говорит: - Все, заканчивайте, время 11 часов, больше нельзя. И мы, конечно, тогда транспорта в городе не было, пошли пешком. Пришли пешком в Павлов Посад. Тетка в чулане нам постель дала, перину постлала, подушки. Мы спать улеглись. А я платье, которое у меня было, сняла и на веревочку повесила. А ночью коза туда забралась. И платье мне погрызла. И нас растолкала. А утром пришел отец, приехал Виктор с Электростали и еще друг там учился. Все пришли, а я боюсь из чулана выходить. Стыдно мне. Платье мое погрызли. Сбегали ко мне в общежитие, принесли чемодан. Я у меня платьев много было. Одела я другое платье, красивое, брусничного цвета. У меня даже есть фотография в рамке. Потом стали жить у тетки. У нее полдома было. Днем я как глянула! Потолок черный. (Тетка топила опилками, труба в печи не чищена, дым весь идет сюда). Обои все отклеены, клопами замазаны. Я чистоплотная была. Оттерла потолок. Сделала дезинфекцию, поклеила обои. Пол покрасила. Говорю мужу: - Молодой парень, 20 лет, ты что, не мог привести жену куда положено? А он в Электростали у тетки жил и жил. Стала я вязать. Я кружева навязала. Идут: - Наташ, какая у тебя невестка-то! Обиходила все. И его обиходила. Я получала хорошо: то брюки ему куплю, то ботинки. Ткачихой работала. Трудовая книга у меня вся исписана благодарностями. А сколько у меня грамот там! Я была на весь район премирована. Мужа забрали в армию. Пришел с армии через 4 года с авиации. В морфлоте тогда 5 лет служили, 3 года – пехота. Два раза приезжал в отпуск. Он работал в штабе писарем. Начальник отправлял его в Москву. Он здесь закупал продуктов и туда отвозил, в Калининскую область деревня Кривандино. С теткой мы не ругались. Я работала, она сидела.

У мужа мать умерла в 41-м году. Отец остался один. Его на войну не взяли. Работал один на четверых детей сторожем на полях. Супруг Ананьин рассказывал: - Ездили на поездах, кое-чего продавали, что из дома было. Один раз он так упал, что плечо выломал. Одного брата в армию забрали, другой брат в тюрьму попал (на «шухере» был), сестренка с 39-го года, а еще один, который перед войной родился, мальчик, разбился в детском саду и умер. А сейчас Милка на Дальнем Востоке, к брату уехала. Умерла. Там сейчас все поумерли на Дальнем Востоке. И брат его умер, и Володька умер.

Воспоминания зрелого возраста

Нас с ФЗО выпустили, Павлов Посад. Ремесленное училище – там мальчики обучались, а ФЗО – это фабрично-заводское обучение. Мы общались с теми девочками, с кем приехали из концлагеря. Потом я уже здесь была, в Больших Вяземах. Приезжала к ним в Павлов Посад. Сейчас связь с ними потеряла, был у меня Нинкин адрес, но я не помню: куда-то задевала. Подруга была, в Риге жила. Валя. Когда мы жили в Павловом Посаде, она прислала письмо, что у нее есть парень, но он ей не очень нравится. Ананьин прочитал и говорит: - Еще чего не хватало. Письмо у меня взял и разорвал: – Видите, он ей не очень нравится! Еще чего-нибудь тебе напишет.

– Письмо-то оставь мне, адрес оставь.

Ну, мы переезжали, и письмо куда-то затерялось. Потом я писала в Ригу в розыскной стол. Пришел ответ: искали мы вашу подругу. Такая здесь не проживает. Возможно, она замуж вышла, поменяла фамилию.

Помню я ее фамилию, имя, отчество: Степанова Валентина Семеновна. А в детдоме воспитатели уйдут, мы перебираемся в одну кровать и спим вместе: холодно было, топили дровами. Сторож-женщина пройдет по комнатам, проверит, трубы мы закрыли и все. Дрова ребята пилили. Мы печки топили, сами спальни убирали. В школу ходили в село. В детдоме не было школы. В 6-й класс вечерней школы ходили.

Три года в школе вела домоводство. Когда в 1968 году закрыли, одна девочка все время писала письма, Антон Иванович идет и говорит:

- Марина письмо прислала. Привет вам большой. Она сейчас работает на швейной фабрике и очень довольна.

У нас завуч была, Галина Борисовна. А у меня ее девочка училась.

- Зинаида Филипповна, чего там приучили вы их? Танюшка домой приходит и за машинку сразу. А я говорю:

- Любовь привила к своему ремеслу.

Потом у нас перетрубация была. Можно сказать, мы развелись с Ананьевым из-за нее. Он сначала в 10-й класс ходил вечерний (вечерняя школа - прим. автора), ездил в Москву, закончил, потом в институт ездил, закончил. Стал в школе директором. А ей очень хотелось этого места. И она нашла момент, как подсадить его. Но она-то все равно директором не стала. Прислали Бесфамильного сюда.

Сама я работала заместителем директора по хозяйству в лесной школе, кассиром, бухгалтером. Освоила кучу профессий.

Как попала сюда? Школа здесь построилась, а он работал завхозом в Павлово Посаде, 18-я школа от академии наук. У него была вражда с братом. А мы уже дом построили. Брат из тюрьмы пришел, жил с нами уже. Один раз прихожу, на нем рубаха порвана. Драка у них была. Брат тетку, которая с нами жила, в воспитательных целях в погреб посадил. А здесь нам предложили жилье. Тогда мы дом продали и сюда переехали. А полдома, которые были, брату отдали. Один раз на меня:

- Денег давай!

Работать не охота. Смотрю, ножик за голенищем прячет. Ананьина дома не было, никого не было. Одна я.

- Трояк давай.

- Зачем тебе?

- Мне надо выпить другом.

- Ты знаешь, я сейчас на рынок сходила, продала огурцы, еще кое-чего продала, сыра купила, масло купила, а ты у меня трояк просишь.

Он на меня ножом замахнулся, но не попал он в меня, в стенку попал, поранил себе руку. Он в сенях, далеко от меня стоял. Тетка идет, видит кровь:

- Ты из-за трояка человека готова убить? Я говорю:

- Кто кого собирался убить?

И он, конечно, сбежал. Ананьин приходит. А брата целый месяц не было, он домой не появлялся. Мы его искали, но милиция разобралась, что он хотел в меня ножом попасть, а попал в стенку. Не нашли мы его. По моргам искали, везде. Пропал. Через месяц является вечером. На коленях. Прощения просит. Ну чего просить прощения? Решили уже дом продать и сюда приехать. Ну, он потом сюда к нам приезжал, мы ему помогали. Он инвалид. У него туберкулез. Жену он избил, жена на инвалидности была. Он ее 15-тилетнюю изнасиловал. Но он потом женился на ней. Галя родила девочку. Она глухая. Сюда приезжал:

- Ананьинская, там есть денежка? Дай четвертной.

Даешь. Потом он умер.

Рассказ Зинаиды Филипповны о концлагере

Жили мы в длинном таком бараке с 3-х ярусными деревянными кроватями. У меня кровать на третьем ярусе сначала была. Потом провалилась на второй. Про вшей лучше не спрашивать. Все были стрижены наголо. Подойдешь к двери, там немка: «Лоизе, лоизе». Заглянет за воротник, а они там шевелятся. Раз в неделю водили нас в баню. Белье – парили. Матрац и подушка были из опилок и стружки, одеяла – из России – байковые. Чем нас кормили? Утром ничего не давали, в обед суп из брюквы или чего-то там еще. А вечером, в 6 часов, когда заканчивали – две картофелины. Пить давали холодную воду. Горячего чая? Да, какой там - ничего не было. Хлеб давали 100 грамм на день. В туалет водили строем, и назад потом тебя приведут. От барakov до работы было несколько километров.

Что нас заставляли там делать? Мыть полы, подметать. На заводе работали. Завод изготавливал снаряды, бомбы. А в каком я цеху была, там пули делали. Я помню, пуля выпускается, потом порох внутрь засыпается. Пуля по конвейеру идет, если пустая, надо вынуть пулю из станка.

Что мы делали в воскресенье? Лежали на кровати, ходили на улицу. Была ли радость за эти 4-е года? Откуда взяться радости? После работы привели, на свою кровать ложишься, завалишься и до утра спишь. Утром колокольчик - подъем: «Ауфштейн, арбайтен».

Сколько лет прошло, а я ночью просыпаюсь оттого, что все разговариваю по-немецки. С мужем, когда жила, он мне: «Проснись, нету немцев».

Я помню, водили нас грядки полоть. Участки у них большие, не как у нас 10 соток. Частная собственность. Грядок много. Мы морковь повыдергивали, наелись, а потом сверху примяли, чтоб не видно было. Пришла немка, смотрит на нас, а мы все одинаковые, неизвестно, кто был. И стала она нас потом записывать по номерам.

Продолжение следует.